

Человека забыли

Виктор Сухоруков в спектакле «Человек из ресторана»

Виктор Сухоруков — «бедный, бедный Павел» и старший брат самого знаменитого «Брата» — сыграл главную роль в спектакле «Человек из ресторана» театрального агентства «Богис». Лучше бы он этого не делал.

Повесть Ивана Шмелева, написанная скользким достоевско-лесковским языком история из жизни маленького человека, это проза с трудной судьбой. За нее регулярно берутся великие артисты. И регулярно выходит, по слову Гоголя, «ни то ни се, а черт знает что». В 20-е годы XX века ее экранизировали — главную роль сыграл Михаил Чехов. Сегодня смотреть этот фильм грустно и скучно: в легендах гений Чехова куда ярче, чем в роли шмелевского официанта. Собирался сыграть в новой экранизации Игорь Ильинский — но безуспешно. Сухорукову с «Человеком» тоже не повезло.

Главное творческое достижение постановщика спектакля Андрея Лукьянова в том, что он сумел раз-

вести на деньги спонсоров спектакля — немецкую фирму по производству чая. Совершив этот подвиг Геракла, Лукьянов решил, что может расслабиться и не особо усердствовать на репетициях. Свой спектакль он, словно «Лего», сложил из нескольких блоков: его актеры то танцуют с подносами, то громко выкрикивают свои реплики, то грациозно удаляются в глубину сцены, позволяя Сухорукову блеснуть на крупном плане. Разухабистая музыка сопровождает мелодраматическую историю бед-

ного официанта, служащего в богатом ресторане.

Иногда режиссер надеется, что его спектакль спасет актуальность — тогда актеры выходят на авансцену и выкрикивают что-то насчет войны, России и властей. Но публика начинает дремать — и дело приходится спасать хореографу Александру Петухову, придумавшему для массовки танцы в стиле «два притопа, три прихлопа».

Самое обидное то, что гений Сухорукова разрывает убогие мизансцены, словно молния тучу. Лов-

кой походочкой, сгорбив спину, как кот, он похаживает по авансцене и бросает в зал свои монологи — мечтательные, страстные, жалкие. И холодеют руки, когда его герой, выкатив безумные глаза, плачется на судьбу и тут же, встряхнувшись, пускается в пляс. В такие моменты понимаешь, что у него могла бы получиться великая роль — окажись на месте режиссера любой крепкий профессионал.

Сухорукову много хлопают, но спектакль это не спасает. Сочувствующий ему зритель — а кто из нас не любит этого лысого, ловкого, изменчивого, как Протей, актера с сумасшедшим взглядом? — изо всех сил пытается понять его героя и собрать из отдельных реприз и монологов цельную роль. Но кроме отдельных блестящих выходов в памяти не остается ничего. Зал готов на любые усилия любви, чтобы спасти «Человека» от провала. Но они остаются бесплодными.

Виктория Никифорова